

ДЕНИС РОМАШИН

ДЕДЛАЙН АПОКАЛИПСИСА

CRITICAL
ERROR!

GAME OVER

Денис Ромашин

Дедлайн апокалипсиса

<https://litres.ru/73465581>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сирены воют третий час, а в двери ломится окровавленный курьер. Обычный понедельник? Для Артёма — да. Презентация важнее конца света, пока не понимаешь, что твои новые «клиенты» буквально хотят тебя сожрать.

Корпорация «Эволюшн» запустила обновление, которое превратило Москву в территорию безумия. Теперь вчерашнему менеджеру проектов нужно собрать команду из ворчливого деда с бензопилой, дерзкой таксистки и геймера, чтобы сделать то, что он умеет лучше всего: довести проект до финала.

На кону не квартальная премия, а жизнь. И поверьте, Артём сделает всё, чтобы не стать «списанным активом».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Денис Ромашин

Дедлайн апокалипсиса

Глава 1

Сирены выли третий час подряд.

Я не обращал внимания. Моя презентация была важнее. Слайд номер тринадцать упрямо не хотел выравниваться: диаграмма торчала из-под заголовка, шрифты скакали, иконки разъезжались. Классический PowerPoint, классический понедельник. Дедлайн – сегодня в полдень. До сдачи проекта оставалось три часа. А сирены? Ну, авария на теплосети, учения МЧС, что-то ещё – у меня нет времени разбираться.

Телефон завибрировал. Мама. Я сбросил. Перезвонила. Сбросил снова. На третий раз всё-таки взял.

– Артём, ты жив? – голос был на грани паники.

– Мам, я на работе, – соврал я, глядя на домашний стол.

– Горящий проект.

– Включи телевизор! Там люди бешеные по городу бегают!

Я вздохнул. Мама любила новости. Любила пересказывать их драматично. Вчера звонила, рассказывала про аварию в метро – оказалось, просто задержка поезда на пять минут.

– Мам, если я сейчас включу телевизор, я не сдам отчёт. А если не сдам отчёт, меня уволят. Это страшнее бешеных людей.

– Но там кровь! И скорые! И ты один дома!

– Я не один, у меня кофе.

Бросил трубку. Поставил на беззвучный. Вернулся к слайду номер тринадцать. Диаграмма наконец встала на место. Победа.

За окном что-то грохнуло. Я даже не посмотрел. Наверное, мусорные баки. Наш двор – царство алкашей и котов; им не нужен повод, чтобы устроить шум.

Кофе остыл. Я сделал глоток – горький, противный. Но кофеин. Кофеин важен. Я вернулся к слайду четырнадцать.

И тут в окно влетел человек.

Не в мою квартиру, нет. В окно соседнего дома, через двор. Я увидел краем глаза: фигура, удар о стекло, вспышка красного. Я замер. Потом разумно решил, что мне показалось. Стресс. Недосып. Три часа до дедлайна. У меня галлюцинации, это нормально.

Слайд пятнадцать. Заключение. Призыв к действию.

Стук в дверь.

Я не жду гостей. Никто не приходит ко мне по утрам в понедельник – у меня нет друзей, которые так делают. Соседи? Тоже вряд ли. Я – председатель ТСЖ, меня ненавидят за квитанции и ремонт крыши.

Стук повторился. Настойчивый.

Я встал, подошёл к двери. Посмотрел в глазок.

Там стоял курьер.

Рюкзак Glovo. Красная куртка. Капюшон натянут. Но главное – его рука. Она была в крови. Много крови. По пальцам стекало что-то тёмное.

Я отступил от двери.

– Вам посылка, – сказал курьер. Голос был ровный, почти механический.

– Я ничего не заказывал.

– Вам. Посылка.

Он ударил в дверь. Сильно. Цепочка звякнула.

Ещё удар. Ещё. Дверь затряслась. Я посмотрел на неё критически: китайский замок, цепочка из строймага, дверь – обычная межкомнатная, которую застройщик поставил лет десять назад. Она не выдержит. Минута, может, две.

Я огляделся. Квартира маленькая, однушка. Балкон шестой этаж, прыгать глупо. Окна пластиковые, не открываются настежь. Телефон? Звонить куда? В полицию? Скорая помощь три часа воем, она явно занята.

Ещё удар. Петли заскрипели.

Надо действовать.

Я вернулся к столу. Взял кружку с кофе – там ещё оставалась половина. Поставил в микроволновку. Две минуты, максимальная мощность. Пока она грелась, я осмотрел комнату. Монитор? Тяжёлый, но не для удара – я пожертвую работой, только если другого выхода не будет. Стул? Лёгкий,

бесполезный. Швабра? Да, швабра сойдёт.

Микроволновка пискнула.

Я взял кружку. Кипяток. Ладонь обожгло через керамику, но терпимо.

Дверь затрещала. Цепочка натянулась.

Я подошёл. Встал сбоку. Дверь открывается внутрь – значит, если он наваливается снаружи, его вес работает против него. Физика, восьмой класс.

Ещё удар. Цепочка лопнула.

Курьер налёг на дверь.

Я резко дернул ручку на себя.

Он не ожидал. Полетел вперёд, потеряв равновесие. Упал в коридор, на колени.

Я вылил ему кипяток на голову.

– Без сахара, урод!

Он завыл. Не закричал – завыл. Звук был нечеловеческий, как у зверя. Капюшон задымился. Он дёрнулся, схватился за лицо.

Я попятился.

Он встал.

Медленно. Тяжело. Кожа на шее была красной, вздутой. Но он встал. И посмотрел на меня.

Глаза были мутные. Белки – жёлтые. Зрачки – чёрные, расширенные.

Он шагнул ко мне.

Я отступил в комнату. Схватил монитор. Пожертвую пре-

зентацией. Жизнь дороже.

Но он не добежал.

В коридоре раздался свист. Что-то металлическое рассекло воздух. Курьер упал. На затылке появилась вмятина.

За ним стоял Кирилл.

Сосед снизу. Двадцать четыре года. Курьер Yandex. Геймер. Обычно приветливый.

Сейчас он держал велосипедный насос, перепачканный кровью, и тяжело дышал.

– Неплохо ты его кофеином накачал, – сказал он, оглядывая лежащего. – Но насос надёжнее.

Я молчал. Смотрел на тело. На кровь. На Кирилла.

– У тебя Wi-Fi есть? – спросил он. – Мой 5G отвалился.

Я кивнул. Медленно.

– Окей, – Кирилл затащил курьера обратно на лестничную клетку. – Помоги закрыть дверь. Их там ещёдохрена.

– Их?

– Ну да. – Он вытер насос о свою куртку. – Весь подъезд какой-то бешеный. Я думал, грипп, но грипп так не работает. Ты случайно не знаешь, что происходит?

Я покачал головой.

Кирилл пожал плечами.

– Тогда давай баррикадируйся. Я пока тут постою, на всякий.

Я посмотрел на дверь. Она еле держалась. Замок сломан, цепочка оторвана. Надо что-то придумать.

Тумбочка? Нет. Слишком низкая. Если просто приставить к двери, её толкнут. Надо использовать угол.

Я взял швабру. Уперев один конец в ручку двери, другой – в пол, создав распорку под углом сорок пять градусов. Сила удара будет распределяться на рычаг. Даже таран не возьмёт. Физика, восьмой класс. Снова.

Кирилл оценивающе свистнул.

– Ты инженер?

– Менеджер проектов.

– Окей, тогда управляй вот этим проектом. – Он кивнул на окно.

Я подошёл. Посмотрел вниз.

Двор был полон людей.

Нет. Не людей.

Они двигались как-то неправильно. Дёрганно. Кто-то бежал, кто-то шёл. Несколько человек просто стояли посреди двора, качаясь из стороны в сторону. Один бился головой о мусорный бак. Методично. Раз за разом.

– Что это? – спросил я.

Кирилл пожал плечами.

– В новостях говорили про массовое отравление. Но это не похоже на отравление. Скорее на баг. Как в игре, когда NPC застревают в текстурах.

Я посмотрел на него.

– Ты серьёзно?

– У меня другой референс, чем у тебя. – Он достал те-

лефон, покрутил. – Интернет мёртвый. Связь тоже. Только местные вышки ещё держатся.

Я вернулся к ноутбуку. Попробовал обновить страницу. Ничего. Wi-Fi горел зелёным, но браузер выдавал ошибку. Потом всплыло окно экстренного оповещения.

Чёрный фон. Белые буквы.

«ГРАЖДНАМ СОХРАНЯТЬ СПОКОЙСТВИЕ. КОРПОРАЦИЯ ЭВОЛЮШН УЖЕ РАБОТАЕТ НАД РЕШЕНИЕМ».

Логотип. Зелёный листок, обвитый ДНК.

Я уставился на экран. «Эволюшн»? Та самая компания, которая лезет во все щели последние полгода? Фитнес-клубы, вода, смузи-бары, какие-то биодобавки? Их рекламу нельзя было пропустить – на каждом углу.

Я посмотрел в окно. На улице как раз был виден билборд. Огромный, яркий. «ЭВОЛЮШН: МЫ МЕНЯЕМ ВАШЕ БУДУЩЕЕ УЖЕ СЕГОДНЯ».

Билборд горел.

Я вернулся к экрану. Перечитал сообщение.

«Работает над решением».

Решением чего?

Кирилл устроился на подоконнике, наблюдая за двором.

– Слушай, а ты случайно не знаешь, что у них всех общее?

– У кого?

– У них. – Он кивнул вниз. – Я видел уже штук пятнадцать. Все они были в спортивной форме или с бутылками

воды. Или выходили из того фитнес-клуба на соседней улице.

Я подумал. Вспомнил курьера. Рюкзак Glovo. Они развозят еду из ресторанов. А ещё – воду и продукты из...

– Эволюшн поставляет воду в Glovo и Yandex, – сказал я медленно. – Я видел рекламу. Бесплатная доставка при заказе от трёх бутылок.

Кирилл повернулся ко мне.

– Ты думаешь, это вода?

– Я думаю, что корпорация, которая пишет «мы работаем над решением», явно в курсе, что именно пошло не так.

Кирилл хмыкнул.

– Значит, не грипп. Заговор корпораций. Классика.

Я не ответил. Посмотрел на свою презентацию. Слайды были готовы. Осталось только отправить.

Но интернета не было.

Значит, дедлайн сорван.

Я закрыл ноутбук.

Кирилл посмотрел на меня.

– Что будем делать?

Я огляделся. Квартира. Баррикада. Окно. Двор, полный... чего-то.

– Оценим риски, – сказал я. – Еда. Вода. Оружие. Маршруты. У нас есть время.

– На что?

Я посмотрел на презентацию.

– На то, чтобы доделать проект.

Кирилл фыркнул.

– Какой проект? Клиент сдох.

Я покачал головой.

– Проект «Выжить». И правки от клиента, кажется, уже не придут.

Глава 2

Интернет умер окончательно, и вместе с ним – моя вера в цивилизацию. Экстренное оповещение от «Эволюшн» висело на экране, как корпоративная рассылка «держимся, команда», только без команды и без «держимся». Я закрыл ноутбук. Даже аккуратно. Привычка – штука живучая.

Кирилл сидел на подоконнике, крутил в руках велосипедный насос и выглядел так, будто в его игре наконец-то начался нормальный режим выживания.

– Ну что, – сказал он. – Дальше что? Лутаться по подъезду или сидеть до тех пор, пока нас не вынесут как мусор?

– Для начала – инвентаризация, – ответил я. – Без неё мы будем бегать и кричать, как люди на распродаже в «Ашане». Я так не люблю.

– Ты сейчас сравнил конец света с «Ашаном»?

– В «Ашане» хуже. Там люди живые и всё равно друг друга едят.

Я достал блокнот. Не ноутбук, не приложение – обычный бумажный, потому что батарея теперь была новой валютой, а я не собирался тратить её на список «вода/еда/не умереть». В шапке я машинально написал «Excel». Карандашом. Чтобы хоть где-то было ощущение контроля.

– Так, – сказал я. – Ресурсы. Вода?

– У меня две бутылки, – Кирилл показал рюкзак курьера.

– Плюс энергетик. Не знаю, считается ли это водой, но от него люди и до апокалипсиса зомбями ходили.

– Отлично. Еда?

– Батончики. Печенье. И... – он задумался. – Полпачки доширака, но без газа.

– Доширак без газа – это не еда, это наказание, – сказал я и записал: «батончики – мало».

Я пошёл на кухню. Открыл холодильник. Он гудел, как будто ещё надеялся на светлое будущее.

– У меня сосиски, – сказал я. – И сыр. И банка огурцов.

– Сосиски? – оживился Кирилл. – Легендарный лут.

– Сосиски – это стратегический запас. И огурцы. В апокалипсисе огурцы нужны для трёх вещей: закусить, утешиться, отбиться, если кончатся аргументы.

Я записал: «сосиски – 4, огурцы – 1 банка». Потом посмотрел на то, что было важнее еды.

– Оружие, – сказал я.

Кирилл поднял насос.

– Вот. Плюс у меня нож. Кухонный, но острый. И скотч.

– Скотч – это опасно, – сказал я. – Это как кредит: кажется, решает проблему, а потом ты им обматываешь всю жизнь.

Я оглядел комнату. Монитор, которым я пытался быть героем, стоял у стены, будто обижался. На балконе – сушилка с бельём. В кладовке – инструменты, но в основном «открывалка» и «запасные батарейки к пульту». Я вздохнул.

– Нам нужны щиты, – сказал я. – Психологически и фи-

зически. У нас нет нормального оружия, значит, будем умными.

– Это звучит как «у нас нет денег, значит, будем креативными», – фыркнул Кирилл.

– Именно. Давай, – я кивнул на шкаф в комнате. – Снимем дверцу. На петлях. Будет нормальный щит.

Кирилл заулыбался.

– О, крафт пошёл.

– Кирилл, нож на скотче – это порнография, – сказал я, уже лезя к шкафу. – А вот дверца шкафа – это броня. Классика.

Мы сняли одну дверцу. Потом вторую. Петельки скрипнули, как нервная система начальника отдела, когда ты просишь отпуск в отчётный период. Я нашёл ремень от старой сумки, прикрутил его к дверце так, чтобы можно было держать как щит. Кирилл быстро подхватил идею и привязал лямку от рюкзака.

– Смотри, – сказал он, – почти как в игре. Только без инвентаря на экране.

– Инвентарь у меня в блокноте, – буркнул я. – Это надёжнее любой игры.

Снаружи, за дверью, что-то зашаркало. Потом – стук лифта. Потом опять шорохи.

– Они там, – тихо сказал Кирилл.

– Я знаю, – ответил я. – И мы туда пока не идём.

Я проверил швабру-распорку, которой мы подперли

дверь. Держалась. Пока.

– Нам всё равно придётся выходить, – сказал Кирилл. – Вода закончится, батарея сядет, и всё. Тут не база.

– Согласен, – сказал я. – Но выходить надо не как стадо, а как проект.

– То есть?

– То есть с планом. С таймингом. И без истерик.

Кирилл поднял бровь.

– Тут сложно без истерик, когда люди кусаются.

– Сложно – не значит невозможно, – сказал я. – Я работал с клиентами. Я видел хуже.

Мы ещё минут десять собирали всё, что могли: фонарик, две пачки батареек, аптечку с просроченным йодом, зажигалку, бутылку воды из шкафа, пакет с орехами, тот самый курьерский «лут» с носками, который теперь неожиданно стал важным. Я даже надел на Кирилла одну пару – не из заботы, а потому что мокрые ноги в апокалипсисе быстро превращают тебя в статистику.

Когда я закончил список, стало чуть легче. Не потому что стало безопасно. Потому что хаос получил названия.

И тут балконная дверь дёрнулась.

Я замер. Кирилл тоже.

Балконная дверь снова дёрнулась. Тихо, аккуратно, но настойчиво.

– Ты кого-то ждал? – шепнул Кирилл.

– Только смерть и правки от клиента, – ответил я. – Но

правки не придут.

Дёрнуло ещё раз. Потом раздался женский голос, злой и громкий:

– Откройте! Ну откройте же! У меня руки отмерзают!

Балконная дверь распахнулась, и в комнату ввалилась девушка в ярких лосинах, пуховике оверсайз и с телефоном в руке, как будто это был её паспорт, оружие и смысл жизни одновременно.

– Наконец-то! – выдохнула она. – Артём, ты дома! Я знала, что ты дома! У тебя свет горит!

– Свет горит не у меня, а у апокалипсиса, – сказал я. – Ты кто?

Она посмотрела на меня так, будто я только что спросил, что такое интернет.

– Марина! Соседка. Через стену. Ты меня не помнишь? Я тебе в чат дома писала про то, что ты мусор не так сортируешь.

– А, – сказал я. – Теперь вспомнил. Это действительно страшнее зомби.

Марина всхлипнула и тут же переключилась на режим «контент».

– У меня всё снято! Там в подъезде... они... они... – она подняла телефон. – Я всё записала! Это же хайп! Это же...

– Выключи звук, – резко сказал я. – Прямо сейчас.

– Почему?

– Потому что они реагируют на звук, – сказал Кирилл,

показывая насос. — И на хайп тоже, скорее всего.

Марина уже хотела что-то ответить, но её взгляд метнулся назад, на балкон.

Оттуда, с хриплым воплем, в квартиру ворвался кот.

Обычный кот. Не зомби. Просто зверь, который понял, что мир сломался, и решил, что это повод орать.

Кот носился по комнате, как багнутый дрон: прыгнул на диван, с дивана — на стол, со стола — на штору. Штора не выдержала, карниз грохнулся на пол. Кот вцепился когтями в мою занавеску, потом увидел Кирилла и заорал ещё громче, потому что Кирилл был с насосом, а коты не любят, когда люди готовы к обороне.

— Мурзик! — завизжала Марина. — Мурзик, иди сюда! Он сошёл с ума! Он испортил мне лосины!

— Кот спасает себя, — сказал я. — У него хотя бы мотивация честная.

— Он меня царапает! — Марина попыталась схватить кота, но тот извернулся и прыгнул ей на плечо, как будто это был штурм вершины. Марина взвизгнула. Телефон едва не улетел.

Из подъезда донёсся глухой удар. Потом второй. Потом шорохи стали ближе.

Я почувствовал, как у меня слиплось горло. Не страх. Злость. Потому что весь мой аккуратный план только что превратился в цирк с животными.

— Марина, — сказал я тихо, чтобы не орать, но чтобы она

услышала. – Ты зашла через балкон. Почему?

– Потому что в коридоре они! – Марина ткнула пальцем куда-то в сторону входной двери. – Я пыталась выйти, а там сосед... и ещё одна женщина... и курьер... Они... они стояли и жали на лифт! И стучали по дверям! Я на балкон, а Мурзик... Мурзик за мной, и всё, и я к тебе! Ты же нормальный! Ты же всегда в костюме! Значит, живой!

Логика у неё была железная. Уровня: «если человек в галстук, значит, он не может умереть». Я бы хотел в это верить.

Снаружи снова ударило. Уже по нашей двери.

– Всё, – сказал Кирилл. – Мы их агрим.

– Агрим, – подтвердил я. – Благодаря коту. И маркетингу.

Марина снова завизжала, потому что кот теперь попытался спрятаться у неё в капюшоне.

– Артём, сделай что-нибудь!

Я схватил наволочку с дивана, кинул её на кота и ловко завернул его, как самый нелюбимый отчёт. Кот дёргался внутри, но наволочка держала.

– Кот изолирован, – сказал я. – Марина, выключи вспышку и звук. Ты маяк для мертвецов.

– Я ничего не включала! – возмутилась Марина.

– Ты сама по себе вспышка, – буркнул Кирилл.

Я услышал, как наша дверь скрипнула. Швабра-распорка держала, но не бесконечно.

– Так, – сказал я. – У нас новая вводная: Марина и кот в наволочке. План меняется.

Марина вцепилась в телефон.

– Подожди! Я должна написать пост: «Я жива»!

– Напишешь, если останешься жива, – отрезал я. – Сейчас надо уходить. Пока они не вынесли дверь.

– А куда? – спросила Марина, и в голосе у неё впервые прозвучало что-то нормальное. Не хайп. Просто страх.

Я открыл блокнот.

– Вниз. На улицу. Там больше пространства и меньше углов. В подъезде мы в ловушке. Но спускаться надо тихо. Они реагируют на звук.

Кирилл кивнул.

– Стелс-миссия.

– Без стрима, – добавил я, глядя на Марину.

Марина нахмурилась, но телефон убрала в карман.

Мы вооружились чем могли: Кирилл – насосом и щитом из дверцы шкафа, я – вторым щитом и фонариком, Марина – наволочкой с котом, как будто несла очень злую подушку. Я открыл дверь на цепочке – цепочки уже не было, да – просто приоткрыл, удерживая щит.

Коридор пах подъездом: пылью, старым линолеумом и чьим-то борщом из прошлой жизни. Свет мигал. Лифт где-то внизу гудел, как будто продолжал работать по графику.

На площадке, у лифта, действительно стоял сосед. Вернее, его версия после обновления. Он был в домашней футболке и тапках. И ждал лифт. Жамкал кнопку вызова, снова и снова. Не глядя по сторонам. Бытовая память. Он каждый день

ездил на лифте, вот и ждёт. Даже если уже не очень человек.

– Не трогай его, – шепнул Кирилл. – Он пока не агрится.

– Я и не собираюсь, – ответил я. – Мы мимо.

Мы пошли к лестнице. Марина сделала шаг – и кот в наволочке выдал такой вопль, будто его заставили подписаться на чужой марафон.

Зомби-сосед замер. Медленно повернул голову. Глаза у него были мутные, но уши работали отлично.

– Всё, – прошептал Кирилл. – Агро.

Сосед сделал шаг в нашу сторону. Шаркающий, ленивый. Я поднял щит.

– Тихо, – сказал я Марине сквозь зубы. – Держи кота крепче.

– Я держу! Он меня ненавидит! – прошипела Марина.

Сосед подошёл ближе. Он протянул руки, как будто хотел попросить соль. Я толкнул его щитом – без размаха, чисто отодвинуть.

Сосед пошатнулся, но не упал. И тут из темноты лестницы раздался второй звук – женское «хррр», и на свет выползла какая-то тень. Она шла по ступеням вверх, цепляясь за перила. Видимо, в жизни она так же поднималась, когда лифт ломался.

– Назад! – шепнул Кирилл.

– Нет, – ответил я. – Вниз. Назад – это к нашей двери, а там уже ломаются. Вниз.

Мы начали спускаться. Я держал щит впереди, Кирилл

прикрывал бок, Марина шла сзади, пыхтя и ругаясь на кота цензурно, но с таким чувством, что смысл был понятен.

Лестница была тёмной. Фонарь я включать не хотел – свет мог привлечь. Но без света мы спотыкались о ступени, а шум – тоже триггер.

– Марина, – прошептал я. – У тебя что-нибудь есть кроме телефона и кота?

– Есть! – Марина вдруг оживилась. – У меня кольцевая лампа! Она на батарейках! Я без неё не живу!

– Отлично, – сказал Кирилл. – Босс-артефакт.

Марина достала из сумки кольцевую лампу – белое пластиковое кольцо, которое в мирное время делало людей красивее и глупее. Сейчас оно могло сделать нас живее.

– Только не на полную, – сказал я. – Короткими вспышками. Как... как в офисе: показали – выключили, пока не спросили.

Марина фыркнула, но кивнула.

На втором пролёте сверху показался ещё один зомби – мужчина в халате, с мусорным пакетом в руке. Он стоял и качал пакет, как будто проверял, не протечёт ли. Потом сделал шаг к мусоропроводу. Бытовая память. Он продолжал выносить мусор. В конце света. Я даже почувствовал уважение. И зависть. Его «дела» были проще моих.

Мы прошли мимо, затаив дыхание. И тут Мурзик снова дёрнулся и заорал. Наволочка ходила ходуном, как мешок с бесом.

Мужчина с мусорным пакетом повернул голову. Пакет выпал из руки, рассыпав по ступеням что-то мокрое. Запах ударил в нос. Марина сдавленно взвыла.

– Тихо! – прошипел я.

Зомби пошёл к нам быстрее. Уже без мусорного пакета, зато с явным интересом.

– Марина, свет, – сказал я.

Марина включила кольцевую лампу – резко, на максимум, и направила прямо в лицо зомби.

Белое кольцо ослепило его. Он замер, зажмурился, закачался назад, как человек, которого внезапно вытащили на корпоратив и сказали «улыбаемся для фото».

– Свет выставляет недостатки кожи! – выпалила Марина, и это была её первая полезная фраза за день.

– Отлично, – сказал Кирилл. – Держи его, пока мы проходим.

Мы проскочили мимо ослеплённого зомби. Я толкнул его щитом в плечо, он ударился о стену и завыл. Звук разлетелся по подъезду, как уведомление «срочно всем на созвон».

Снизу ответили. Шорохи. Топот. Лифт глухо звякнул, будто кто-то пытался открыть двери руками.

– Всё, – сказал я. – Теперь они знают, что мы тут.

– Мы бы и так не прошли тихо с котом-саундтреком, – огрызнулась Марина.

– Я кота не выбирал, – ответил я. – Он сам к нам в команду попросился.

Мы ускорились. На площадке первого этажа было темнее. И холоднее. Дверь в тамбур – та самая, общая, железная, с двумя входами: на улицу и обратно в подъезд – стояла приоткрытая. Это было плохо: приоткрытые двери в апокалипсисе – как открытые вкладки на рабочем ноутбуке. Там всегда что-то лишнее.

Мы вошли в тамбур. Дверь за нами хлопнула.

И тут я понял вторую проблему: дверь в подъезд снаружи кто-то подпер. Она не открывалась назад. Я дёрнул ручку. Ноль. Тяжело, как отказ на отпуск.

– Что? – Кирилл тоже дёрнул. – Заклинило?

– Нет, – сказал я, прислушиваясь. – Это не клин. Это... кто-то снаружи. Подпер.

Марина, не понимая, уже тянула дверь на улицу.

– На улицу нельзя! – прошипел я. – Там их больше. Там открытое пространство – да, но мы сейчас шумные, яркие и с котом. Нас там разберут на лайки.

– И что делать?! – Марина почти плакала. Но держалась. Это я оценил.

Я оглядел тамбур. Тесное пространство. Коврик. Старые объявления на стене: «Собрание жильцов», «Не курить», «Сдаётся гараж». Всё выглядело так, будто жизнь просто зашла уйти и оставила реквизит.

– Окей, – сказал я. – Мы в бутылочном горлышке. Значит, держим оборону. Двери – наши стены.

С той стороны, из подъезда, слышались удары. Дверь

дрогнула.

– Они идут, – сказал Кирилл, сжимая насос.

– Идут, – подтвердил я. – План простой: щиты впереди, Марина – свет по команде, без истерик. Кирилл – добиваешь, если пролезут. Я – управляю.

– А я? – Марина вытерла нос рукавом, всё ещё держа наволочку.

– Ты – полезный хаос, – сказал я. – Но хаос по расписанию. Дверь в подъезд выгнулась от удара. Второй удар пришёлся сильнее. Металл застонал.

Марина невольно всхлипнула. Кот ответил ей из наволочки.

– Тише, Мурзик, – процедила она. – Сейчас не до тебя, зараза.

– Вот, – сказал Кирилл. – Командная работа.

Удары продолжались. Дверь ходила ходуном. В тамбуре стало тесно от звуков и ожидания.

И вдруг – тишина.

Удары прекратились так резко, будто кто-то нажал «mute». Я замер. Кирилл тоже. Даже кот притих на секунду, как будто его тоже удивило отсутствие внимания.

Снаружи раздался другой звук. Чёткий, спокойный, тяжёлый.

Тук.

Тук.

Тук.

Как будто кто-то рубил. Не торопясь. Не нервно. Рабочими ударами.

Я поймал взгляд Кирилла. Он молча показал большим пальцем вверх: «это кто-то не зомби». Или «это новый босс». В обоих случаях – риск высокий.

Через дверь донёсся голос. Мужской. Уставший. Спокойный.

– Кто там живой? Открывайте, пока я добрый.

Глава 3

Голос снаружи был не «вежливый», а тот редкий сорт спокойствия, который бывает у людей, уже всё понявших и поэтому не спорящих с реальностью. Так говорит сантехник, когда ты ему объясняешь, что «оно само потекло».

Я прижал щит к двери тамбура и сказал громко, но без истерики:

– Живые. Трое. И кот... временно в упаковке.

– Кот мне без надобности, – ответили с той стороны. – Дверь открывайте. Медленно. Без фокусов.

Я посмотрел на Кирилла. Он кивнул так, будто мы сейчас принимали оффер, а не решали – открыть ли дверь человеку с неизвестным инструментом.

– Марина, лампу держи вниз, – прошептал я. – Не ослепляй потенциального союзника. Союзники бывают нервные.

– Я вообще-то в стресс-состоянии, – прошипела Марина.

– Я тоже. Я просто выгляжу как бухгалтерия, – ответил я и потянул дверь на себя.

Дверь подалась на пару сантиметров – и в щель влез взгляд. Суровый, прищуренный, с таким выражением, будто ему в очередной раз подсунули квитанцию с «повышающим коэффициентом».

Потом в щель влез топор.

Не угроза, а факт.

– Ну, – сказал хозяин топора и распахнул дверь полностью. – Вы кто такие, красавцы?

Дед Михалыч выглядел так, будто апокалипсис случился по его расписанию. Тельняшка, камуфляжные штаны, ватник. В руке – топор. На поясе – травмат, который он показывал миру без лишней рекламы. У ноги сидела Жучка – дворняга с одним висячим ухом и взглядом охранника на проходной: «У вас пропуск? Нет? Тогда до свидания».

За дверью на площадке валялась пара тел. Я не стал разглядывать. Мне хватало дедовского выражения лица: «не разводить разговоры, не фотографировать».

– Живые, – повторил я. – Соседи. Артём. Это Кирилл. Это Марина. Кот... в наволочке.

Дед Михалыч смерил нас сверху вниз.

– Хлипкие вы, – вынес он вердикт. – Поколение смузи. Оружие есть?

Я поднял щит из дверцы шкафа. Кирилл показал насос. Марина... показала лампу. Наволочка с котом дернулась, как будто хотела тоже участвовать.

Дед хмыкнул.

– Ну, хоть какая-то броня. Ладно. Заходите. Быстро. Тихо.

Жучка встала, понюхала наши ноги и коротко фыркнула на Марину так, будто она пахла не человеком, а «контентом». Марина попыталась улыбнуться собаке.

– Ой, какая ты умничка...

Жучка отвернулась. Сразу стало ясно: в этой квартире

лайки не работали.

Мы прошли в дедову квартиру, и я впервые за день увидел что-то похожее на организованный хаос. Дверь была усилена цепочкой, которой в мирной жизни пристёгивают велосипед, а в немирной – судьбу. На полу лежали коврики, но не для уюта: на них не скользили ботинки. На стуле у входа – рюкзак с чем-то тяжёлым. На тумбочке – фонарь, батарейки, моток верёвки. Мини-крепость без пафоса. Просто человек, который всегда жил так, будто завтра всё может пойти по одному месту.

– Сюда, – сказал Дед Михалыч. – Дверь закрыли. Дышим ровно. Окна не светим.

Кирилл огляделся и уважительно выдохнул:

– Ого. У вас тут база.

– У меня тут дом, – отрезал дед. – База у вас в голове, если она есть.

Марина осторожно поставила кольцевую лампу на стол.

– А воду можно?

– Вода будет, если не будете орать, – буркнул дед. – Сядь. И не крутись.

Я поймал себя на том, что хочется спросить «какие у нас следующие шаги», как на совещании. Разница была в том, что здесь за неправильный вопрос могли не уволить, а уку-сить.

Дед Михалыч подошёл к шкафу, вынул оттуда топор и протянул мне.

– Держи, сынок.

Топор был не «красивый». Он был рабочий. Такой, которым рубят дрова, а не снимаются в рекламе брутального шампуня.

– Спасибо, – сказал я и взял. Рука сразу стала тяжелее. С ответственностью всё так: сначала «подержи», потом «а теперь веди людей».

– Ты, в худи, – дед кивнул Кириллу. – Насосом махать умеешь?

– Я курьер, – гордо сказал Кирилл. – Я умею избегать ударов судьбы и самокатов.

– Годится. Девка, – дед посмотрел на Марину. – У тебя что за круглая хрень?

– Кольцевая лампа! Это... это свет! Это качество кожи! Это...

– Это ослеплялка, – резюмировал дед. – Оставь при себе. Но без истерик.

Жучка легла у двери и уставилась в коридор. Ухо дрогнуло. Она слушала дом лучше, чем любой домофон.

– Так, – сказал дед и сел напротив меня. – Во дворе полно этих. Я сейчас по этажу прошёл, подчистил. Дальше сидеть будете или выбираться?

Кирилл открыл рот, явно собираясь предложить «прорыв», но я его опередил. Потому что в команде должен быть один человек, который сначала думает, а потом уже героически погибает.

– Выбираться, – сказал я. – Но не через подъезд и не через двор. Там толпа.

– А через что? Через крышу? – дед прищурился.

– Через подвал, – ответил я. – Из третьего подъезда есть сквозной проход к мусорным бакам. Там тень, меньше людей. Оттуда – к гаражам.

Дед Михалыч поднял бровь.

– Откуда знаешь?

Я вздохнул. Сказать «я менеджер» здесь не работало. Пришлось говорить правду.

– Я председатель ТСЖ, – сказал я. – Я схему коммуникаций наизусть знаю. У меня даже план эвакуации висел... пока его не сорвали ради объявления «пропал кот».

Марина тихо пискнула:

– Это был Мурзик...

– Уважаю, – сказал дед и кивнул, будто я признался в службе в разведке. – Веди.

Жучка поднялась первой. Я взял щит, топор и почувствовал себя странно: как будто мне выдали новую должность без испытательного срока.

Мы вышли обратно на площадку. Дед открыл дверь так тихо, будто всю жизнь жил на минном поле. Кирилл шёл с насосом, Марина с лампой, кот – всё ещё в наволочке, но теперь уже молчал. Видимо, понял, что кричать в мире, где кричат в ответ, – плохая стратегия.

На лестнице стояла тишина. Снизу доносилось шурша-

ние. Где-то наверху кто-то опять жал кнопку лифта – у мёртвых, похоже, была своя мотивация: «доставить себя на нужный этаж».

– Не смотрим, не трогаем, – шепнул дед. – Идём.

Мы прошли к двери в подвал. Замок был старый, советский, с характером. Я уже хотел предложить «сломать», но дед просто вынул ключ из кармана ватника.

– У тебя ключ от подвала? – удивился Кирилл.

– Я живу тут сорок лет, – ответил дед. – У меня ключи от всего. Даже от чужих ошибок.

В подвале пахло сыростью, старыми трубами и жизнью, которая давно не была ЗОЖ. Марина сморщила нос.

– Тут же... плесень.

– Плесень – это тоже жилыцы, – сказал я. – Только они коммуналку не платят.

Жучка прошла впереди, остановилась и тихо зарычала в темноту. Очень деликатно, без паники. Как уведомление «высокий риск», без красных восклицательных знаков.

– Там кто-то есть, – сказал дед.

– Жучка подтверждает, – шепнул я. – Радар работает.

Марина подняла лампу.

– Я включу на минимум.

– На минимум – можно, – сказал я. – Только не делай из этого фотосессию.

Слабый круг света выхватил коридор подвала и... человека. Вернее, бывшего человека. Он был в грязной спецовке,

держал в руках разводной ключ и методично долбил им по трубе.

Тук. Тук. Тук.

Я даже завис на секунду.

– Он что делает? – прошептал Кирилл.

– Работает, – ответил я. – Бытовая память. У нас зомби-сантехник.

Марина нервно хихикнула:

– Ну хоть кто-то в городе занят делом.

Зомби-сантехник повернул голову на свет. Рот открылся. Он шагнул к нам, цепляясь ботинками за бетон, как сотрудник ЖКХ за премию.

– Тихо, – сказал дед. – Без стрельбы. Без геройства.

Я поднял щит и шагнул вперёд. Сердце колотилось, но мозг работал по схеме: событие – выбор – последствие. И никаких «обсудим позже».

Зомби размахнулся ключом. Я принял удар на щит – дерево глухо стукнуло, ремень врезался в предплечье. Неприятно, но живо.

– Кирилл! – коротко бросил я.

Кирилл ударил насосом по ноге зомби – не киношно, а покурьерски, в самое «подкосить и убежать». Зомби шатнулся.

– Марина, свет! – сказал я.

Марина включила лампу ярче и ткнула кругом в лицо сантехнику. Тот замер и отшатнулся, как мужчина, которому внезапно включили фронталку без фильтра.

Я толкнул щитом. Зомби впечатался в стену. Дед Михалыч сделал один шаг и рубанул топором – коротко, без лишней эстетики. Зомби осел на пол.

– Минус один работник ЖКХ, – выдохнул Кирилл. – Город обречён.

– Город обречён был ещё до этого, – сказал дед. – Дальше. Цена победы пришла сразу: где-то в глубине подвала загремело. Шорохи. Ответные шаги. Мы шумнули.

– Быстро, – сказал я. – Пока не набежали «коллеги по цеху».

Мы двинулись по коридору. Жучка бежала впереди и время от времени оглядывалась: «Вы там не отставайте, двуногие». Марина держала лампу уже на эконом-режиме, но батарейка мигнула красным.

– Она садится, – прошептала она.

– Добро пожаловать в реальный мир, – ответил я. – Тут всё садится.

Выход к мусорным бакам оказался именно таким, каким его рисуют в отчётах по благоустройству: бетон, железная дверь, запах, который не убивает сразу, но морально добивает. Я открыл дверь и выглянул наружу.

Двор был живым и мёртвым одновременно. Где-то горела мусорка. Где-то мигала аварийка у машины. По дорожке ходили люди-зомби, кто с пакетами, кто с пустыми руками – будто всё ещё шли «в магазин на пять минут».

– К гаражам, – сказал дед. – Быстро. По тени.

Мы побежали короткими перебежками. Я держал щит впереди, топор в другой руке и думал только об одном: почему мне раньше казалось, что моя работа стрессовая?

У гаражей было хуже. Металлические ворота, закатанные снегом дорожки, тёмные коробки гаражей – и тишина, которая никогда не бывает честной.

Дед Михалыч подбежал к одному из гаражей, достал ключ, открыл. Внутри стояла его машина. Не новая, не модная, но своя. Он сел, повернул ключ зажигания.

Двигатель кашлянул. Потом ещё раз. Потом замолчал.

Дед выругался так, что даже Жучка посмотрела на него с уважением.

– Карбюратор полетел, – сказал он. – Приехали.

– Это как «сервер лёг», – автоматически перевёл я на свой язык. – И бэкапа нет.

Снаружи слышались шорохи. Потом – хрипы. Потом тени в проходе между гаражами.

– Нас окружают, – сказал Кирилл, сжимая насос. – Как на спавне.

Марина подняла лампу, но та уже светила слабее.

– Я могу... я могу на максимум, но ненадолго.

– Держи на крайний случай, – сказал я. – Щиты вперёд. Кирилл – справа. Дед – прикрываешь. Марина – свет по команде.

Я сам удивился, как спокойно это произнёс. Видимо, когда мир рушится, мозг цепляется за единственное, что уме-

ет: раздать задачи.

Первые зомби вышли из тени – медленно, уверенно, как очередь в МФЦ: никто не знает зачем, но все идут.

Я поднял щит. Рука болела после удара ключом. Топор оттягивал плечо. Кирилл сопел рядом. Марина шептала что-то про «это точно не для блага».

И тут темноту разрезал свет фар.

Жёлтое такси влетело во двор, как комментарий в рабочий чат в два ночи: резко, неуместно и сразу меняя планы. Машина сбила ворота, дрифтнула и остановилась рядом, давя пару зомби колесами без лишнего фанатизма – просто как препятствие на дороге.

Стекло опустилось.

За рулём сидела женщина в кожаной куртке, с незажженной сигаретой в зубах и лицом человека, который уже видел все тарифы этого мира.

– Такси заказывали? – сказала она. – Поездка с коэффициентом 10.0.

Я моргнул.

– Мы... не заказывали, – честно ответил я.

– Ничего, – спокойно сказала она. – У вас лица такие, будто вы всё равно поедете.

Глава 4

– Такси заказывали? Поездка с коэффициентом 10.0.

Жёлтый Solaris стоял боком, фары резали темноту, как скальпель по бюджету. Под колёсами что-то шевелилось и пыталось встать, но водительнице было не до этики. Она выглядела так, будто всю жизнь возила людей на вокзал, а теперь просто расширила список возможных неприятностей.

– Заказывали, – сказал я. – Оплата... жизнью.

– Платёж принимается, – сухо ответила она. – Быстро в салон. За дверь держитесь, за волосы – нет.

Дед Михалыч уже прикрывал нас травматом, экономя патроны так, будто у него в голове висела табличка «лимит на квартал». Кирилл тащил насос, Марина – телефон и лампу, как две святыни в одном пакете. Жучка прыгнула первой, без спроса, потому что собака в команде всегда думает быстрее менеджера.

Я рванул к передней двери, но дед ткнул меня в плечо:

– Сзади! Командир сзади сидит, чтоб всех видеть.

Поспорить хотелось, но это был не тот момент, когда спор укрепляет корпоративную культуру. Я влетел на заднее сиденье, щит из дверцы шкафа зацепился за стойку, и я на секунду почувствовал себя человеком, который пытается пронести велосипед в метро в час пик.

– Осторожней! – рывкнула водительница. – Салон не пач-

кать! Химчистка сейчас не работает!

– Сейчас вообще ничего не работает, – пробормотал Кирилл.

– Так вот поэтому и не пачкать, – отрезала она и хлопнула по газу.

Solaris дёрнулся, и мы поехали. Не плавно. По-московски. С ощущением, что водительница не столько рулит, сколько ведёт переговоры с асфальтом.

Марина, сидя рядом со мной, обхватила кольцевую лампу обеими руками.

– Это же реальный тариф «Ад», – прошептала она. – Я, конечно, люблю экстрим, но...

– Молчи, – сказал дед. – Чтоб мёртвые не думали, что мы живые.

– Они и так думают, – буркнул Кирилл. – Мы же... дышим.

Я посмотрел в боковое окно. Во дворе оставалась толпа – она тянулась к свету, к машине, к нам. Люди с пакетами, с чем-то похожим на инструмент, с лицами, которые уже не выражали ничего, кроме постоянного «где тут выход». Бытовая память в действии: кто-то шёл к подъезду, кто-то шарился по капотам, кто-то пытался открыть невидимую кассу.

Водительница резанула рулём, обошла мусорные баки, прыгнула на бордюр и вылетела со двора так, будто это была не эвакуация, а экзамен на категорию «плевать на всё».

– Ты кто? – спросил дед, не признавая излишней вежли-

вости.

– Наташа, – ответила она. – Таксистка.

– Вижу, что не балерина, – кивнул дед. – Куда едешь?

Наташа пожала плечами, не отрываясь от дороги.

– Туда, где меньше... вот этого. В центре не суйтесь.

МКАД, может, свободней.

Я услышал это и понял, что у нас в команде появился человек, который умеет водить, но не умеет делать прогнозы.

– МКАД? – переспросил я. – Там же... пробки.

– Ночью меньше, – уверенно сказала Наташа. – И вообще, я двадцать лет по Москве. Я знаю, где кто стоит.

Дед посмотрел на меня, как на ответственного за продукт.

– Командир, решай.

Я на секунду завис, как ноутбук на презентации перед директором. Вариантов было два: ехать по ночной Москве, надеясь на чудо, или ехать по МКАД, надеясь на статистику. Чудо я не закладывал в план. Статистика хотя бы иногда работала.

– Едем на МКАД, – сказал я. – Но держим план Б: если там стоит – съезжаем в любую дыру, где есть стены и двери.

– Слышу голос человека, который всю жизнь жил на «плане Б», – хмыкнул дед.

Наташа кивнула.

– Принято. Только без ваших офисных... как вы там... синер... короче, без умных слов. Мне на дороге хватает математики.

– У нас математика тоже началась, – сказал Кирилл и ткнул пальцем в окно. – Вон, смотрите.

Мы мчали по ночной улице, и город выглядел почти нормальным. Почти. Где-то горела витрина, где-то мигал светотвор в пустоту, где-то вдалеке тянулся дым. Но главное – люди. Не те, кто бежал. А те, кто ходил, шатался, стоял группами. Кто-то бился лбом о стеклянную дверь магазина с вывеской «24 часа». Кто-то пытался открыть шлагбаум и делал это с такой упёртостью, будто охранник вот-вот выйдет и скажет: «проезд по пропуску».

– Они не бегут, – тихо сказала Марина. – Они... как будто на работе.

– Ну так и есть, – ответил я. – Просто теперь работа – это быть мёртвым.

Первую шутку мозг выдал сам, без согласования:

– Офисный планктон даже после смерти остаётся планктоном. Только без кофе.

Марина нервно хихикнула. Кирилл тоже. Дед не смеялся. Он просто проверял улицы взглядом, как человек, который оценивает угрозы без лишних эмоций.

Жучка лежала у ног Наташи, уставившись вперёд. Ухо висело, но радар работал. Она иногда тихо рычала – и Наташа автоматически смещалась в сторону, будто собака была навигатором.

– Собака ваша? – спросила Наташа.

– Деда, – ответил я.

– Уважаю, – сказала Наташа. – Обычно у меня пассажиры только с котами в переносках. И те... странные.

Марина напряглась:

– У меня кот был... но он убежал.

– Коту повезло, – отрезал дед. – Он умный. Не как некоторые.

Марина сделала вид, что не услышала, и, конечно же, полезла к телефону.

– Я бы сняла видос... но связь же...

– Снимай в голове, – сказал я. – Там меньше трафика.

Наташа резко затормозила. Мы все дёрнулись.

– Чёрт, – сказала она спокойно. – Лежит.

На дороге валялась машина боком. Внутри – водитель, который стучал руками по рулю в такт мигающей аварийке. Стучал ровно, методично. Как будто делал отчёт в последний день: «тук-тук-тук», чтобы не забыть, что он существует.

– Бытовая память, – сказал я.

– Тупость, – буркнул дед. – Объезжай.

Наташа объехала. Колёса чиркнули по бордюру. Где-то справа зомби-пешеход на переходе стоял и ждал зелёного. Светофор, конечно, мигал жёлтым. Но он ждал. Потому что правила – это святое. Даже когда мир кончился.

– Вот это дисциплина, – сказал Кирилл. – Я бы такого в рейд взял.

– В рейд он тебя съест, – ответил дед.

Мы выехали на более широкую магистраль. Вдалеке вы-

сился силуэт Москва-Сити. Там что-то горело. Но не красивым огнём киношного апокалипсиса, а рабочим, грязным – как горит мусорка во дворе, когда дворник решил «прибраться».

Наташа щёлкнула языком.

– Красиво, зараза. Прямо как салют, только без праздника.

Я посмотрел на неё внимательнее. Она не паниковала. Не орала. Не читала молитвы. Она просто вела машину и делала вид, что это обычная смена, только пассажиры с топором и щитом.

– Наташа, – сказал я. – Почему ты... одна?

– Потому что все умные уже умерли, – ответила она. – А я выжила. Значит, не совсем умная.

– Логично, – сказал Кирилл. – Это как в играх: кто слишком умный, тот идёт на босса без хила.

– Заткнись, – сказал дед.

Наташа фыркнула, но улыбнулась уголком рта.

Мы проскочили перекрёсток и вдруг увидели здание с подсветкой. Не жилой дом. Не магазин. Офис. На фасаде – узнаваемый логотип, даже ночью читаемый.

«Эволюшн».

Свет в окнах горел ровно. Не аварийный, не «кто-то забыл выключить». Настоящий, уверенный свет. А у входа стояли люди. Не зомби. Живые. Двое-трое. И двигались они слишком организованно.

– Стоп, – сказал я. – Наташа, медленнее.

– Ты чего? – спросила она, но сбросила газ.

Я прижался к стеклу. У входа действительно стояли живые. В форме или просто в одинаковых куртках – не разобрал. Но они не метались. Они охраняли. Как будто апокалипсис – это не конец света, а просто новый режим работы.

– У них генераторы, – тихо сказал я. – И охраны больше, чем мертвяков.

Дед сплюнул в окно, но стекло было закрыто, и он только раздражённо хмыкнул.

– Значит, эти и устроили.

– Или знали заранее, – сказал я. – И не сочли нужным предупредить.

Марина вдруг ожила:

– Я же видела их рекламу... «Эволюшн: мы меняем ваше будущее уже сегодня».

– Поменяли, – сказал Кирилл. – На «съешь соседа».

Наташа резко ускорила.

– Мне плевать, кто устроил. Мне важно, чтобы мы доехали. А у меня в салоне люди, которые сейчас начнут думать.

– Мы всегда думаем, – сказал я.

– Вот поэтому и страшно, – ответила Наташа.

Город постепенно вывел нас к развязке, и впереди открылся МКАД. Широкий, привычный, вечный. Только теперь он выглядел как музей автомобилей. Тысячи машин стояли плотной стеной. Красные стоп-сигналы, мигающие аварийки, гудки, которые иногда включались сами собой – или их

включали те, кто внутри ещё пытался «разрулить ситуацию».

– Ну вот, – сказал я. – Свободнее.

Наташа уставилась вперёд.

– Да чтоб вас... – сказала она очень спокойно. – Это не пробка. Это кладбище.

Мы вкатились на МКАД и сразу упёрлись в хвост. Машины стояли в три ряда, вплотную. Между ними шевелилось. Кто-то выходил из салонов, шатался, упирался в двери соседних машин, пытался открыть багажник. Один зомби был пристёгнут ремнём и бился головой о руль ровно в такт аварийке. Ритм был почти музыкальный. Если бы у меня сейчас было время, я бы подумал, что даже смерть не отучает от привычки «стучать по столу, когда нервничаешь».

– Не выходить, – сказал дед. – Окна закрыты. Двери на блокировку.

Наташа уже нажимала кнопки.

– Я не первый день такси, – сказала она. – Здесь даже живые пытаются открыть дверь на ходу. А эти... тем более.

Кирилл достал телефон, глянул на него, как будто ожидал там «обновление карты».

– Wi-Fi умер, – сказал он. – 5G тоже. Короче, офлайн-режим.

– Привыкай, – сказал я. – Мы теперь все офлайн. Даже те, кто ещё ходит.

Мы продвинулись на метр. Solaris скрипел, толкая бампером чужую машину.

– Тише, – сказал я. – Шум...

– Шум уже тут, – отрезала Наташа и кивнула на машины вокруг. – Слушай.

Издалека тянулся гул. Сотни сигнализаций, гудки, крики. Как в пятницу вечером, только без надежды на выходные.

Зомби начали подходить ближе. Не бегом. Они просто «шли по делам», но их делом теперь был наш салон.

– Левый ряд двигается, – сказала Наташа, вглядываясь. – Может, там есть окно.

– Там нет окна, там люди, – сказал дед. – А люди – это проблема. Даже если мёртвые.

Первый удар пришёлся в стекло справа. Тупой, тяжёлый. На стекле остался грязный след ладони.

Марина взвизгнула, но сразу же зажала себе рот руками.

– Молодец, – сказал я. – Шум – это агро.

– Агро уже на нас, – прошептал Кирилл и прижал насос к груди, как автомат без патронов.

Второй удар. Третий. По заднему стеклу. Слева кто-то пытался дёрнуть ручку двери, но блокировка держала.

– Наташа, – сказал я. – Действуй. Нам нужна траектория.

Она кивнула, как будто мы были в обычном заказе, просто пассажиры слишком активные.

– Смотри, умник, – сказала она. – Сейчас будет трюк. Не дёргайтесь, а то я вас потеряю между сиденьями.

Она резко сдала назад, врезалась в бампер сзади – не сильно, но достаточно, чтобы освободить себе пару сантиметров.

Потом повернула руль и ткнулась в промежуток между двумя машинами.

– Не пролезем, – сказал я.

– Пролезем, – сказала Наташа. – Solaris – как такса. Маленький, злой, пролезает везде.

Я хотел уточнить, что «такса» обычно не пролезает между двумя внедорожниками, но тут справа стекло затрещало – кто-то бил по нему чем-то твёрдым. Возможно, ключами. Возможно, судьбой.

– Михалыч, – сказал я. – Щит к стеклу. Подпирай.

Дед мгновенно поднял дверцу шкафа и прижал её к правому окну изнутри. Щит занял полсалона, но стал опорой. Удар снаружи пришёлся в дерево. Щит выдержал.

– Вот и пригодилась мебель, – буркнул дед. – Ашан бы гордился.

– У нас ещё нет Ашана, – сказал Кирилл.

– Доживёшь – будет, – отрезал дед.

Слева Наташа толкала чужую машину, выискивая зазор. Двигатель Solaris рычал. Температура, кажется, тоже решила подняться – индикатор на панели дрогнул.

– Перегрев, – сказала Наташа. – Не нравится мне это.

– Нам тоже, – сказал я. – Но нам ещё меньше нравится, что нас тут разберут на запчасти.

Я огляделся. Слева, впереди, стоял бензовоз. Большой. Красный. И рядом – несколько машин, которые уже были смяты.

Дед поднял травмат.

– Стрельну – отойдут.

Я схватил его за рукав.

– Не стреляй! Там бензовоз. Шальная – и мы устроим фейерверк без разрешения.

Дед замер. Потом опустил ствол.

– Умный ты, Соколов. Нервный, но умный.

Это было почти признание. Я записал бы в дневник, если бы в дневнике не было уже одних только смертельных рисков.

– Кирилл, – сказал я. – Ищи люк в крыше. Если нас зажмут – вылезем наверх.

Кирилл полез руками вверх, ощупывая потолок.

– Люк... есть. Но он на защёлках. Как в маршрутке. Кто придумал?

– Тот, кто не думал о зомби, – сказал я.

– Марина, – сказал я. – Сирена. Любая. Но направо, от нас. Уведи их.

Марина дрожала, но кивнула. Она достала телефон, полезла в приложения, как будто искала фильтр «не умереть».

– У меня есть звук... – прошептала она. – Типа... полицейская сирена. Я снимала пранк.

– Отлично, – сказал я. – Сейчас твой пранк спасёт нам жизнь. Включай и бросай телефон?

Марина дернулась.

– Телефон не брошу.

– Тогда бросай лампу, – предложил дед.

– Лампу тоже не брошу!

– Тогда делай хоть что-то, – сказал я. – Быстро.

Марина открыла окно на щёлку, чтобы звук вышел. Это был риск: запах, шум, всё. Но выбора не было.

Она включила сирену на максимум.

Мгновенно несколько зомби повернули головы. Резко. Как сотрудники на слове «премия». Они потянулись к источнику звука – вправо, к соседнему ряду.

– Работает, – выдохнула Марина. – Я... я полезная!

– Не привыкай, – сказал дед.

Наташа воспользовалась моментом, газанула и протиснулась на полкорпуса вперёд. Solaris визгнул бампером по металлу чужой машины, но пролез.

– Есть! – сказал Кирилл.

Сзади ударили сильнее. Заднее стекло пошло паутинкой.

– Ещё минуту – и в салоне будет бесплатный вход, – сказал я.

– Держитесь, – сказала Наташа. – Сейчас будет.

Она резко повернула руль, нашла узкий карман между рядами и буквально вырвала Solaris из объятий пробки. Мы проскочили мимо бензовоза, мимо машин, мимо тех, кто стоял в ремнях и продолжал «водить» даже после смерти.

Но МКАД не отпускал так просто. Впереди снова стояло. Съезд был забит. Зомби тянулись к нам с обеих сторон.

– План? – спросил дед.

Я увидел справа «Гелендваген», который кто-то пытался завести. Внутри сидел зомби, пристёгнутый, и бился головой о подголовник, как будто хотел «перезапустить систему».

– Наташа, – сказал я. – Толкай вон тот «Гелендваген». Он тяжелый, расчистит нам коридор.

Наташа хмыкнула.

– Поняла. Сейчас поработаем как эвакуатор.

Solaris ударил «Гелендваген» в зад. Тот качнулся, сдвинулся, открыл нам полосу. Мы поползли вперёд, как таракан под плинтусом.

Дед держал щит у треснувшего стекла. Кирилл держал люк. Марина держала сирену, но теперь звук начал привлекать кого-то ещё. Я услышал сзади новый гул – больше, чем раньше.

– Марина, выключай, – сказал я. – Уже.

– Но они снова...

– Выключай, – повторил я. – Мы уже вырвались. Теперь нам нужна тишина.

Марина выключила. В машине стало слышно, как дышим. И как двигатель стонет.

– Температура, – сказала Наташа. – Плохая.

– Дотянем до съезда? – спросил я.

– Если не будем делать ещё два тарана, – сказала она. – И если вы перестанете быть тяжелыми.

– Мы постараемся похудеть мысленно, – сказал Кирилл.

Наташа фыркнула.

Мы наконец вылетели к съезду. Там было относительно пусто. Город снова принял нас в свои улицы.

Я выдохнул и понял, что руки у меня дрожат. Не от страха. От того, что мозг минут двадцать работал на максимуме без перерыва и кофе.

– Неплохо, – сказал дед. – Живы.

– Пока, – ответил я.

Наташа вела уже быстрее, но аккуратнее. Solaris временами кашлял. Салон пах резиной и чужой жизнью.

– Куда теперь? – спросила Наташа. – Домой? К родственникам? В бункер?

– В идеале – в место, где есть стены, вода и минимум людей, – сказал я. – И желательно без детей. Дети шумные.

Марина обиженно посмотрела на меня.

– Я не ребёнок.

– Ты – контент, – сказал дед. – Контент всегда шумный.

Впереди на дороге показалась вывеска. Светилась, как последний обещанный бонус.

«Фитнес-клуб Эволюция. 24 часа».

Наташа сбросила газ.

– О, – сказала Марина и даже ожила. – Я там работаю! У нас там смузи-бар и бронированные стекла!

У меня внутри что-то щёлкнуло. То самое неприятное чувство, когда в проекте внезапно всплывает совпадение, которое точно не совпадение.

– «Эволюция»... – повторил я. – Та самая корпорация?

Дед Михалыч тяжело выдохнул и проверил травмат.

– Соколов, только не говори, что ты туда хочешь.

Я посмотрел на светящуюся вывеску и понял простую вещь: у нас на ближайшие часы был выбор без хороших вариантов. Это была Москва. Здесь всегда так.

Глава 5

Вывеска «Фитнес-клуб Эволюция. 24 часа» светилась так бодро, будто апокалипсис – это просто новый марафон по выживанию, а мы опоздали на разминку.

Solaris Наташи кашлял, как бухгалтер после корпоратива. Стрелка температуры плясала у красного, мотор вонял перегретой жизнью.

– Я на этом тостере больше не поеду, – сказала Наташа и припарковала машину боком к бордюру. – Либо сейчас отдых, либо потом пешком, но уже без меня и без такси.

Дед Михалыч проверил двор взглядом. Двор был пустой настолько, насколько может быть пустой двор рядом с фитнес-клубом в конце света. То есть: шевелились тени, где-то скрипела реклама, и у входа стояла пара фигур.

– Там живые? – прошептала Марина.

– Если живые – то скоро перестанут, – буркнул дед. – Если мёртвые – то уже перестали.

Кирилл высунулся вперёд, прищурился.

– Там... стойка ресепшена за стеклом. И они в форме. Это либо охрана, либо... тренеры.

– Тренеры опаснее, – сказал я. – Они всегда хотят, чтобы ты "ещё один подход".

Жучка тихо рычала, носом ловила воздух. Она не истеричила – просто давала понять, что вокруг есть движение, но по-

ка не критично.

Я собрал команду у машины, как на летучке, только вместо флипчарта – щит из дверцы шкафа, а вместо кофе – липкий страх.

– План простой, – сказал я. – Нам нужны стены, вода, отдых. Внутри наверняка есть еда, полотенца, одежда. Но главное – не шумим. Здесь не "взял штангу – ты герой". Здесь "взял штангу – и на звук пришли".

– Я могу открыть, – сказала Марина и подняла пропуск на пластиковом шнурке. – У меня же... смена была.

Дед посмотрел на пропуск так, как будто это была граната с чекой.

– Если твой пропуск сейчас не сработает, я его тебе в зубы засуну. Чтоб пользы было больше.

– Михалыч, – сказал я, – давайте без мотивационных речей. Она и так нервная.

– Я не нервная, – огрызнулась Марина. – Я... в тонусе.

– Тонус потом, – отрезала Наташа. – Сейчас выживание.

Мы двинулись к входу. Я шёл первым с щитом, топор держал низко, чтобы не цеплять стеклянные двери. Кирилл прикрывал с насосом. Дед – с травматом, но палец держал в стороне: стрелять тут значило подписать себе абонемент в могилу.

У входа стояли двое. В спортивных костюмах, с бейджами. Один держал в руках планшет и тыкал в него пальцем, словно отмечал посетителей. Второй повторял одно и то же

движение: подносил к турникету карточку, проводил, отводил, снова подносил. Турникет, естественно, не открывался.

Бытовая память. Даже смерть не отменяет "контроль доступа".

Марина замерла.

– Это наши... администраторы.

– Отлично, – шепнул Кирилл. – Боссы стартовой локации.

Я поднял ладонь, остановил всех. Прислушался. Мёртвые не рычали, не бросались. Они были заняты своей "работой". Значит, шанс на стелс есть.

– Марина, – тихо сказал я. – Ты идёшь первой. Медленно. Без разговоров. Пропуском – один раз. Если дверь откроется – мы скользим внутрь. Если не откроется – отходим и думаем.

Марина кивнула и сделала шаг. Второй. Третий. Её лосины были яркими даже в полумраке, как рекламный баннер "у нас скидка на смерть".

Один из администраторов повернул голову на звук её шагов. Взгляд мутный, но не голодный. Скорее... оценивающий. Как у человека, который на входе решает, в каком виде тебя пускать в зал: в кроссовках или босиком.

Марина улыбнулась ему самой вежливой улыбкой, которую можно выдавить при виде трупа.

– Привет... – прошептала она и тут же прикусила язык.

Администратор уткнулся обратно в планшет и продолжил тыкать.

Марина приложила пропуск к считывателю.

Пикнуло.

Я замер. Сердце тоже, кажется, сделало паузу.

Стеклянная дверь щёлкнула и приоткрылась.

– Работает, – выдохнул Кирилл.

– Не выдыхай громко, – сказал дед.

Мы зашли цепочкой. Я придержал дверь щитом, чтобы она не хлопнула. Наташа проскользнула последней и сразу же закрыла, аккуратно, будто мы пришли не прятаться, а вежливо завершить рабочий день.

Внутри было... слишком чисто. Хром, стекло, мягкий свет. И тишина, которую не встретишь ни в одной Москве, даже ночью. Пахло чем-то стерильным и лимонным – как в дорогом туалете, где тебе неловко дышать.

Марина шепнула:

– Видите? Я говорила. Бронированные стекла.

– Идеально, – сказал я. – Мы спрятались в месте, которое выглядит как рекламный ролик компании, что, возможно, устроила весь этот ад. Топ.

Мы прошли ресепшен. Там стоял кулер с водой и стенд с плакатами. На одном было написано: «Вода 'Эволюшн' – заряжена на клеточном уровне».

Я посмотрел на эту надпись и почувствовал, как внутри включилась рабочая паранойя: если маркетинг обещает слишком много – потом кто-то обязательно платит здоровьем.

– Кирилл, – шепнул я, – запомни: если увидишь "заряжено на клеточном уровне" – не пей.

– А если жажда? – так же шёпотом спросил он.

– Тогда пей, – сказал я. – Просто знай, что ты подписываешь оферту.

Мы двинулись дальше, к залу. И там начался цирк.

На беговых дорожках шли зомби. Не бежали. Именно шли. Ровно, механически, с тем же выражением лица, что у людей в понедельник утром. У кого-то на руке висел фитнес-браслет, который продолжал мигать, как будто фиксировал шаги в загробный мир.

В углу стояли велотренажёры. На одном крутил педали мёртвый мужик в майке "No pain no gain". Он крутил и крутил, пока цепь не скрипела. Рядом – зомби-девушка тянула резинку, делая растяжку. Всё это выглядело так, будто апокалипсис произошёл, а абонементы никто не отменил.

Кирилл поднял насос, на лице появилось желание "снять агро".

– Давай я их...

– Не надо, – сказал я, и слово "не надо" прозвучало как приказ на совещании. – Смотри внимательно. Они не реагируют на нас, пока мы не шумим. Это не "они тупые". Это "они заняты". Их мозг ушёл в автопилот.

– То есть... стелс-режим? – Кирилл оживился.

– Стелс-режим, – подтвердил я. – Мы сейчас – усталые качки. С полотенцами. С глазами "я ненавижу кардио".

Марина тут же подхватила и достала из ближайшей корзины пару чистых полотенец.

– Вот, – шепнула она, – так делают VIP. Они всегда идут с полотенцем, даже если просто селфи.

– Наконец-то полезная информация, – буркнул дед, но полотенце взял и накинул на шею. Вид у него стал такой, будто он пришёл не рубить зомби, а ругаться с тренером.

Мы пошли между дорожками. Медленно. Ровно. Я держал щит перед собой, но старался не цеплять стойки. Топор спрятал за спину, как плохую привычку.

Один зомби на дорожке повернул голову и будто прислушался. Я застыл и сделал вид, что тяжело дышу после пробежки.

– Тише, – прошептал я команде. – Если кто кашляет – делайте вид, что это "детокс".

Кирилл чуть не засмеялся, но сдержался. Марина шла идеально – у неё был талант выглядеть естественно в любой идиотской ситуации. Дед Михалыч шагал, как танк, который пытается быть котиком.

Мы дошли до зоны раздевалок. Марина показала пальцем:

– VIP туда. Там вода всегда есть.

– Вода? – Наташа подняла бровь. – Я ради воды готова полюбить фитнес.

– Не увлекайся, – сказал дед. – Сначала выжить, потом любить.

Дверь в VIP-раздевалку открылась тем же пропуском. Мы

зашли внутрь и закрыли. Я проверил замок, осмотрел помещение. Дорогие шкафчики, лавочки, душевые кабины, зеркала. И... тишина. Наконец-то без чужих шагов рядом.

Я выдохнул так, что у меня закружилась голова.

– Всё, – сказал я. – Баррикадируемся. Минимум шума. Ресурсы – на стол.

Кирилл выложил насос, телефон и пустую бутылку. Марина аккуратно положила лампу, будто это был ребёнок. Дед положил травмат рядом с собой, как сотовый – чтобы рукой дотянуться.

Наташа прошла по шкафчикам, попробовала пару дверей.

– Закрыто, – сказала она. – Но это не проблема.

Она достала откуда-то маленький инструмент – тонкую отвёртку или что-то похожее. Я не задавал вопросов. У таксисток свои секреты.

– Ты где это взяла? – спросил Кирилл.

– В машине, – ответила Наташа. – В такси всегда есть набор "выжить после клиента". Иногда клиент – это жизнь.

Она вскрыла один шкафчик. Внутри лежали брендовые спортивные шмотки, кроссовки и пара энергетических батончиков.

Марина радостно прошептала:

– О, протеинчики!

Дед фыркнул:

– Раньше люди брали тушёнку. Теперь – протеин. Мир

действительно катится в ад.

Я взял батончик, прочитал состав.

– Тут больше химии, чем в школьной лаборатории. Значит, жить будем.

Наташа проверила душ.

– Вода есть, – сказала она с уважением. – Тёплая.

Я посмотрел на воду, и мне захотелось смеяться и плакать одновременно, но драму мы не держали в ассортименте. Поэтому я просто сказал:

– Мойтесь по очереди. Быстро. И не устраивайте спа. У нас не отпуск.

Марина уже натягивала на себя чужую спортивную кофту.

– Я не могу в этом... – она ткнула пальцем в мою рубашку, – в офисном. Это не эстетично.

– Сейчас эстетика – это когда ты живой, – сказал я. – Но переодеться можно. Только без дефиле.

Я нашёл шкафчик с мужским костюмом для фитнеса – что-то чёрное, дорогое, с логотипом клуба. Переодеваться в чужое казалось странным, но страннее было умирать в помятой рубашке.

Кирилл тем временем шарился по тумбочке и достал брошюру. На обложке – улыбающаяся женщина и слоган: «Наша система фильтрации воды соединена с городской сетью для улучшения здоровья москвичей».

Я забрал брошюру у него.

– "Соединена с городской сетью", – прочитал я вслух и

почувствовал, как у меня внутри шевельнулась нехорошая догадка. – Это уже не фитнес. Это инфраструктура.

– Это круто, – сказала Марина. – Значит, у них везде вода чистая!

– Или наоборот, – сказал я. – Если кто-то захочет испортить воду – ему даже бегать не надо. Достаточно нажать кнопку.

Дед Михалыч сел на лавку и потер виски.

– Соколов, не начинай. Я пришёл сюда поспать. У меня возраст. Я без сна – злой.

– Ты и со сном злой, – заметила Наташа.

– Со сном я справедливый, – поправил дед.

Мы распределили дежурство так, как будто это был ночной проект: кто не спит – тот отвечает. Я сел у двери, положил щит рядом. Топор прислонил к лавке. Наташа проверила окна – бронированные, да. Кирилл ковырялся в телефоне, но сеть умерла окончательно.

Марина наконец-то замолчала на пару минут, уткнувшись в полотенце и батончик.

Прошло время. Пара часов сна вышла кривой: то проснёшься от далёкого стука, то от того, что Жучка тихо рычит, то от собственного мозга, который считает риски даже во сне.

Утро – если это можно назвать утром – пришло без солнца. Просто свет за стеклом стал чуть серее.

Я встал, потянулся, и у меня хрустнули плечи. С таким

телом я бы в фитнес не пошёл даже при жизни. Сейчас – тем более.

– Дальше что? – шепнула Наташа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.